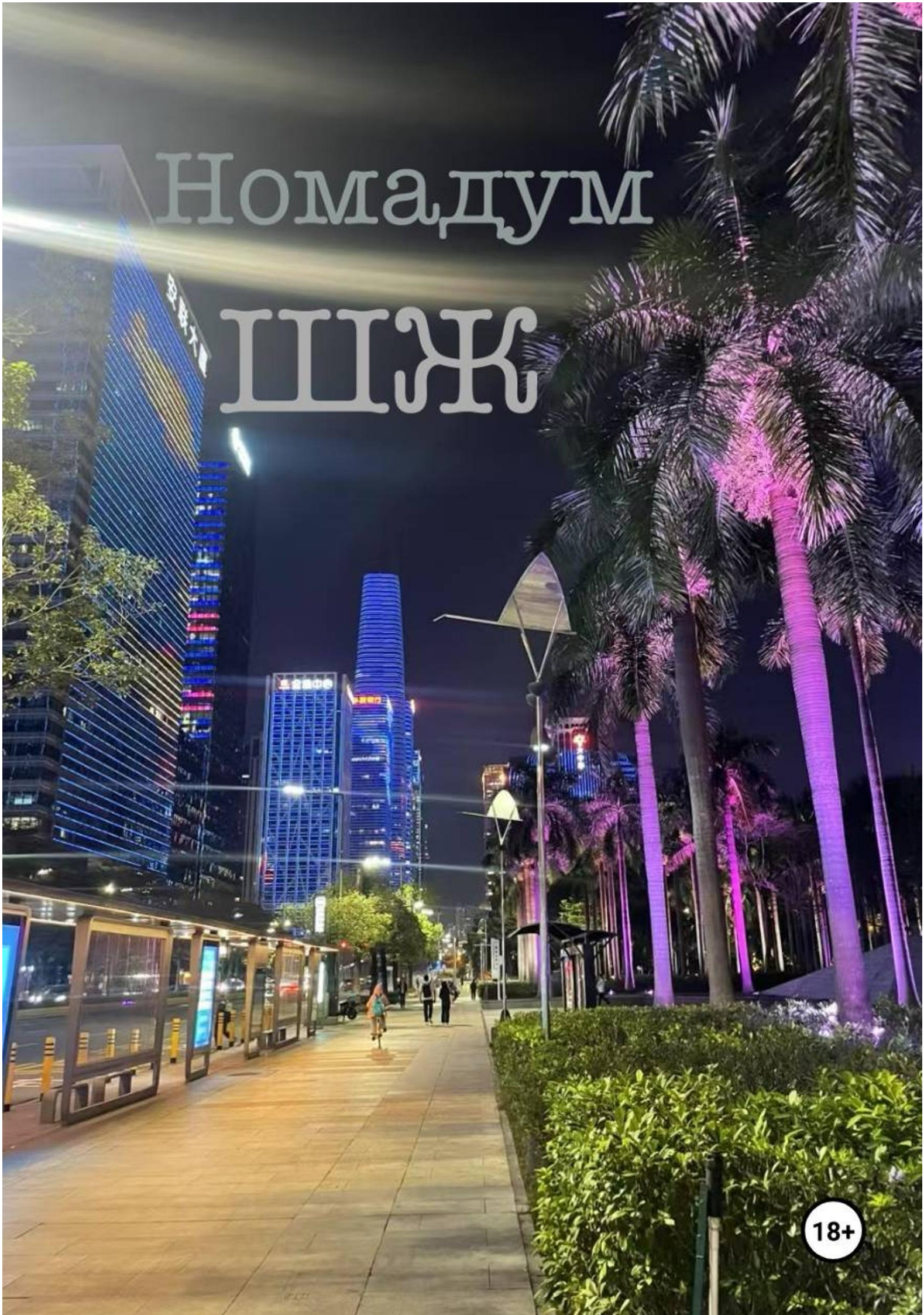
Номадум
ШЖ
18+

Номадум

ШЖ

«Автор»
2026

Номадум

ШЖ / Номадум — «Автор», 2026

Странник возвращается в Китай после пандемии — все начиная с нуля. Палатка в горах Гонконга, граница, дешёвые хостелы в Шэньчжэне. Метро, небоскрёбы, вечная стройка и гонка за заработком; он ночует за занавеской койки, перебирается по чужим квартирам, цепляется за случайные уроки и близость. В вагоне незнакомка просовывает руку ему в шорты. После бурной ночи его удаляют из чата из-за неоплаченной доставки. В городе будущего он всё время на птичьих правах.Москва встречает иначе: морозом под минус двадцать, пешими доставками и ночёвками в кладовке. Долгие поездки за МКАД, где в богатых усадьбах его заставляют ждать у шлагбаума. Но здесь, среди холода и собачьей работы, герой неожиданно чувствует себя счастливее, чем в солнечном Китае.Между ними — деревня, тишина и возможность писать. Возвращаясь то в Китай, то в домой, герой ищет не столько заработок, сколько выход из жизни, где всё временно: жильё, работа, близость. «ШЖ» — жёсткая, ироничная повесть о выживании и поиске дома.

© Номадум, 2026
© Автор, 2026

Номадум
ШЖ

ШЖ

В Шеньчжень я попал случайно. Мировая хвороба кончилась. План был использовать безвизовые дни до конца года. 90 дней. А потом, если заладится — еще столько после нового. Сентябрь я околачивался в Сайгоне. Вяло рассылая резюме на работы. За месяц не выудил ни одной. К первым числам октября полетел в Гонконг. Там переночевал в палатке в горах. Две станции от границы. Утром был на переходе Лоху. Штамп без вопросов — и я в социализме. Три года тут не был. Приезжие селюки кричат, толкутся с тележками. Громкоговорители внушают нормы поведения. Напротив затертого вокзала — булыжник ментовки со звездой. Китай.

Вообще затея была двигать в Гуанчжоу. Место мной житое, завалялись кое-какие контакты. До хворобы работы там всегда хватало. Но думаю — дай попытаю здесь. Все равно каждый месяц к границе мотаться. Въезд-выезд по штампу делать.

Через дорогу от вокзала была многоэтажка. Внутри нее карта обнаружила уйму хостелов. Внизу меня тормозит баоан с залысинами. Тычет в книгу записей. Достаю паспорт. Чуть не плюется, еле разбирая, где мое имя. В хворобу заморцев здесь не жаловали. К счастью, весь происходивший сюр я наблюдал через экран извне.

В лифте при виде меня натягиваются маски. На здоровье — мне больше воздуха. Гремит назойливая реклама с экранов. Китайцы горбятся каждый в свой. Пол-лифта — доставщики в желтом. Потыкался по этажам. Хостелы оказались на каждом по пару штук. В одном, что дешевле, дверь была открыта. В гостиной жилец, вперившийся в телефон. Вынимаю его переводчиком. Как хозяина найти? Не знаю, вечером будет. А код от двери какой? Печатает, записываю. С карты по номеру добавляю Вичат хозяина. До вечера решаю не ждать. Моюсь, кидаю большой рюкзак в зале. С малым, где ноут и доки, выхожу на улицу. Приступаю к поискам работы.

Выглядит это так. Метода обкатанная до хворобы. В карте иероглифами вбиваю “английский”. Выдает список учебных центров и школ в округе. Сохраняю их и обхаживаю по одному. Ближайший оказывается почти через дорогу. Низ здания — череда массажных. Застенчиво зазывают английским. Что в Китае — краснющий флаг. Пропускаю мимо ушей, поднимаюсь на этаж. Офис закрыт до часу дня. Но на вывеске цифрит мобильный. По его номеру добавляется Вичат. А это — главная задача.

На улице припекает. Широкие тротуары, светофоры по минуте. Проспекты будто недавно раскатаны. Не дряхлый Гуанчжоу. Народу проходит немного. Только снуют доставщики на бесшумных электробайках. Резкий шаг в сторону — сигналят в спину. С непривычки попадаешь под колеса. Потом начинаешь вращать головой — крадется ли кто позади.

Обошел еще пару кварталов. Открываю местность, как карту в игре. Половина центров канули в хворь. Пустые офисы с листом “Сдается”. Еще пара — закрыты до вечера. Где-то удача дает собрать телефон. Пару раз попадаются объявления о нерабочих днях. Где три, где все семь закрыто. Проверил календарь — национальные праздники на носу! И впрям неделя красных дней. Вовремя же заехал. Классика, как в свой первый раз. Когда перед китайским новым годом.

Помимо охоты, включаюсь в рыбалку. Потираю вполглаза приложение. Как вы, рыбоньки, без меня тут три года? Что—то проклёвывается. Дева с каре. Собачница, велосипедистка. На четыре года старше, но в соку. Хотя лицом — видал и лучше. Ну, для начала. Переползаем в Вичат.

Заточил бича и сэндвич в 7-11 на обед. Потыкался еще в пару закрытых дверей. Рвения улеглись. Снаружи пекло перевалило за тридцатку. Тут прорезается хозяин хостела. Ино-

странцев не заселяем. Прыгаю пару станций на метро и возвращаюсь. Мыкаюсь с пожитками по этажам здания.

Везде картина одинакова. Зашторенные окна. Среди дня нещадно горят лампы. В гостиной стеной стоит дым. Каждую минуту щелкают жиги. На диванах сидят своры двадцатилетних мальцов. Поголовно всунутые в телефоны. Кто остервенело дрочит стрелялки. Кто вяло листает Тикток. Уйма динамиков хрипит какофонию китайского. Осовело косят глаза на экран моего переводчика. В пяти хостелах ответ один — нельзя. И дежурное возвращение в телефон. На 15 этаже проблеск. Во взглядах искренний интерес. Завожу свою переводную шарманку. Находится говорун. Шатко ворочает английскими словами. Контакт устанавливается. С соседней квартиры заходит хозяин. Можно, живи. Сколько? Тридцать с носа. По рукам. Дают мне койку под капающим кондеем. Мимо постели — и ладно. Перебирать не из чего. Скидываю поклажу, минимально заряжаюсь. Забиваемся с девой на встречу. До ее района километров 30. Полтора часа на метро. Ну, хоть город исследую. Ехать и вправду долго. Минуя десятки станций как под копирку. Футьен, Наншан. Наконец выныриваю на свет.

— Хай! Щурится на меня у выхода. Между ног — вездесущий электробайк. Одета по-спортивному — как в магазин вышла. Заскакиваю сзади. Едем к заливу. Проводит мне экскурсию — Вот Шекоу. Вот выставочный центр. Идем к воде. Колышутся яхты, поодаль зеленые холмы Гонконга. Шагаем вдоль набережной. Беседа не сказать что клеится. И к касаниям дело не близится. Но постоянно улыбается, поворачиваясь ко мне. — Здесь вот в бассейн хожу, бывает. И загорать можно прилечь. — Ты вполне себе солнцем обласканная. Думал, не моден в Китае загар у девушек. — Плевать. Я люблю солнце.

Я тоже, но в меру. Три часа дня — шея начинает зудеть. Предлагаю куда в тень. Петляем ее окрестностями в кофейный лофт. Бывшая фабрика, внутри прям нашей советской планировки. Под зонтиками с чай-кофе пачками сидит праздная молодежь. Разгар рабочего дня, на минуту. Цены, правда, кусаются. Так что присаживаемся в полумрак здания просто так.

Разговор заходит о работах. Мне не сидится на месте. Быстрей бы что найти. Не загорать и кататься приехал, поди. Она подтверждает — праздники, так и есть. Неделю будет затишье. — А ты вообще чем занимаешься? Посреди дня согласилась встретиться. — Раньше проектным менеджером была. В айтишке. — Солидно. — Да. Постоянно командировки, Пекин, Шанхай. Вечно недосып, нервы. — За это и платят. — А сейчас год уже безработная. Наконец-то живу. — Не знаю. Я тоже периодами работаю. Здесь в Китае что хорошо. Два месяца поработал — год дома на эти деньги живешь. И занимаешься чем нравится. Музыкой, письмом. Но и в творчество долго я не могу. Больше двух месяцев без работы скучно становится. — Мне нормально. Спокойно. — А дальше что думаешь? Накопления закончатся когда-нибудь. Тем более в Шеньчжене — город недешёвый. — Дальше будет видно. Живу сейчас.

Так мы послонялись еще вокруг да около. К близости подвижек не было. Быстро темнело. Пора и разбегаться. Круг замкнулся на том же выходе метро. Обнялись на прощанье. — Хым! Так грустно. — Мм? — Ты не позвал меня к себе. — Ну… Я-то с радостью. Только остановился в хостеле пока. — Вот как… — Может, к тебе? — Я с соседкой живу. Погоди, спрошу. Вроде собиралась на тусовку вечером.

Что подтверждается. Зеленый свет. Колесим к ее гардену. Высотки величаво именуются Венеция 1 и 2. От дверей лифта на этаже нас встречает лай. Заходим в квартиру. В ноги тычется ретривер. Под ним пролезают два лохматых терьера. Чуть за ними настороженно выглядывает акита-ину. И дальше всех испуганно ковыляет дряхлая болонка. — Ух, сколько вас! — Только одна моя. Этих всех знакомые оставили на праздники. Пока в отъездах.

При хозяйке зверинец успокоился, растянулся по полу. Просторная гостиная по левую перетекает в кухню. По правую — широкий балкон. Из холодильника достается импортная пайка. Из кофе-машины льется недурный зерновой. — И за сколько вы снимаете такие хоромы? — Четыре с каждой. Для Наншана вполне разумно. — Ну… В Гуанчжоу мы трешку

снимали за четыре. До хвори. — Значит, сейчас она шесть. Все поднялось в цене. Плюс это Шеньчжень. Кремниевая долина. Зарплаты повыше.

Упали на диван. Принялись трепать живность. Ее загорелые велосипедные коленки касались моих. Я пустил руку над ней поверх диванной спинки. Она склонила голову мне на плечо. Тут наши поползновения ускорились. — Можно бы душ принять? Весь день на улице.

Снабдила инструкциями и полотенцем. Освежившись, вышел в гостиную. Только собаки сопят. Дверь ее комнаты приоткрыта. Стучусь. Внутри — крошечное пространство. Еле влезает двуспальная кровать. На ней она перебирает ногами и картинками смартфона — Да, не разбежишься на четыре куска. — Потому в основном в гостиной сидим. Сюда только спать прихожу.

Подкладываюсь к ней. Начинаем обниматься — звонок во входную. — Соседка. Не выходи! Будь здесь тихо. Мчит через гостиную собачню. В спальню забрасывается мой обутак с рюкзаком. Захлопывает меня. Приглушенное женское бормотание длится пару минут. Посудная возня и оберточный шорох. Пару раз она заходит в спальню, приложив палец к губам. Успешно играем в прятки. Наконец лязгает дверь, соседка уходит. — Не хочу, чтобы знала лишнее. — Не ладите? — Нормально. Но лучше без слухов потом.

Наконец мы оба расслабляемся. Во время дела оказывается, что она любит кусаться. От жизни собачей? Шутливо уворачиваюсь. Потом мы сидим на балконе. Чешем псов и языками о пустяках. Как само собой, остаюсь с ночевкой. Шеньчжень, день первый.

В душе утром запечатляю картинку. Шея и плечи все синие после вчерашних игр. Как следует меня пометила. Разлучаемся у входной под надзором друзей человека.

Пора и хостел проведать. Говорун-толмач просиживает штаны в гостиной. Изумленно выпячивается на пришельца. — Ты где пропал? — Так, у подруги ночевал. — Подруги? (Для диванных седоков звучит, как у президента) Ты жил в Шеньчжене раньше? — Один день со вчерашнего утра. Пока он совсем не тронулся от таких вводных, удаляюсь за шторку кровати. Не задерживаюсь — снова под солнце на поиски школ.

Пятница. А значит, пик активности всех центров внеклассного образования. Но не тутто. Еще больше пустых адресов. Те, что живы — затоплены праздничной волной. Пытаюсь сунуться в муниципальные школы. Долгие объяснения с баоанами на проходных. Школа в Китае — объект режимный. Пятиметровый забор с колючкой, а то и под напряжением. Не перемахнешь, как мы сачковали в последних классах. Отчасти меры — защита от поехавших с ножами. Новости об атаках всплывают регулярно. Дети здесь — прямая инвестиция в старость. Потому обиженные на общество бьют куда больнее. Отчасти и — воспитательные. Огранка идеальной рабочей единицы с малолетства.

Наконец из ворот выходит завуч-менеджерка. Ответы примерно однородны. Вакансии ищи на нашем сайте. Или наем через китайских посредников. Агентов я никогда не переваривал. Чаты кишели ими что в кризис, что в тучные времена. За годы только раз от них перепала сносная работа. Бывало, направляли в те же школы, в которые захаживал сам. Но когда ты лаовай с улицы — отворот. А через китайскую прокладку — приглядываются. Им проще иметь дело со своими. Агент, чуть что, за час тебе и замену найдет. У него таких гринго — пачками.

Сам поиск, охота вводила меня в азарт. Чем поденное выполнение работы после. Это лазанье с картой по закоулкам этажей. Опять-таки, ходьба по 20 км в день. Среди экранов и онлайнов метод мой казался первобытным. Охотника-собирателя цифрового века. Китайцам — непонятным. Нелинейным. Все должно происходить по инструкции, методичке. Зачем бегать, если можно сидеть? Понадобится — кинут клич среди агентов. — Так вот же я, уже здесь, готовый. Сам нашел, сам пришел. И комиссию платить не надо. Не нужен сейчас — пригожусь позже.

Эффекта было мало. Но главное — делаю какие-то движения. Не пассивно ожидаю, лежа за шторкой. Хостельная обстановка тоже выпихивала наружу. Домоседы круглосуточно рои-

лись внутри. Даже еду им заносили доставщики. Упаси оторваться от экрана. На какие деньги они существовали? Загадка. Говорун вроде бы искал работу айтишником. Который месяц? Судя по обжитости в хостеле, не первый. Спали они до позднего полудня. Ночь прожигали сижками и синим светом девайсов. Когда я вставал, картинка была как когда ложился. Еще более унылая в лучах рассвета.

Поневоле вспоминалась наншанская гостиная. Мягкая двуспальная и окна в тишину. На третий день поисков все погрузилось в праздность. Закрыто наглухо. Даже мальцы проредились — посъезжали кто куда. Невзначай справляюсь о делах собачницы. Соседка уезжает сегодня. Она же будет в городе все дни. Делаю ей предложение — Понимаю, что мы мало знакомы. Но с поисками будет простой из-за праздников. И в хостеле не то что приятно время убивать. Можно было бы мне у тебя пересидеть? Раз твоя уехала. — В целом да. Можем попробовать. Но мне нужно много личного пространства. — Сам такой. Понимаю это полностью. Постараюсь не мешать. — Хорошо. Тогда заезжай. Поможешь мне с выгулом компании. — Это с радостью.

Сборы долго не заняли. Проношу рюкзаки мимо интернет-зала. Говорун недоуменно провожает взглядом — Уже уезжаешь? — Еще вернусь. У друзей поживу пару дней. Пока у него снова не случился сбой, заталкиваюсь в елеватор. Полтора часа — и открываются двери собачни.

Первый день мы провели легко. Распорядок ее был расслабленный. Высыпалась вдоволь. Потом кормежка собак. Неспешное приготовление завтрака с кофе. После мы выбирались на выгул. С пятерней ей одной и вправду сладить было непросто — Знаешь, в Рио это популярная профессия. Выгульщик собак. Теперь я понимаю, почему. — Да. Когда одна, я по очереди их выгуливаю. А если утром и вечером — почти как рабочий день выходит.

Больше всего мне приглянулись братья-терьеры и ретривер. Последний был шальной, ласковый. — Ему нужно больше всех ходить. Хотя и старичок — лет двенадцать уже. — Само собой, охотничья порода. Я тоже ходок — только дай.

Вместе мы совершали круги по десять км быстрым шагом. Заодно я подмечал закрытые школы и детсады по пути. В Наншане их было битком — корейская, канадская международная. Но все это лакомство не на мой постсоветский паспорт. Нанимали только носителей языка.

После обеда, приготовляемого из экономии дома, она кочевала в спальню. Дежурный сон. Сперва, правда, я злостно нарушал его. За что покрывался новой порцией укусов. Но после второго раза постельное притяжение стало угасать. Как происходило и с другими прежде. В общих чертах я с ней разобрался. Как управляться с механизмом ее тела. Как разгонять до финиша и повторно. Все — давайте новую. Так у меня было и с работами, городами, странами. Жить в чужом устаканенном распорядке тоже приходилось не с руки. Почти все время она проводила дома. Мне тоже выйти было некуда и не к кому. Особенно в такую жару. Часы я коротал на диване с ноутом. На третий день начала бросать недовольные взгляды. Видимо, я стал походить на тюленя-муженька. Впечатываемого в обивку и мозолящего глаза. Пока она дежурно протирала пол под неизменный треклист с колонки. Пребывание дома вынуждало эксплуатировать кондей. Еще один удар по ее поясом затянутому бюджету. — Октябрь, а так печет. Должно было бы поулечься. — Тогда тебе стоит найти другой город в Китае. Здесь всегда жарко. — Не правда. Как же январь-февраль? Ответ был произнесен резко. Тоном, лишь на пару градусов ниже злобного. Спор развивать не стал. На третий день она погрузилась в пассивно-агрессивное молчание. Словами мы перекидывались лишь функционально. Я считал дни до конца праздников. Околачиваться дома старался минимально. Снова вылез на поиски работ. Все безнадежно закрыто. Хотя бы нашел баскетбольный корт поблизости. Подкачал в Декатлоне мяч, взятый еще во Вьетнаме. Уходил стучать им с утра, чтобы не толпиться спросонья и раздражать друг друга.

На этом фоне я принялся потирать приложение. Пошерстил по Вичату, кто еще в Шеньчжене. Отыскалась люська с крашеными волосами. Откуда я ее выцепил и когда — никак не вспомнить. Перекидываемся фразами. — Наншан? — Лунгхуа. — Далеко. Давай встретимся на полдороги где. Футьен, может. — Там есть что-то интересное? — Не знаю. Недавно в городе. — Хорошо, давай на твоей станции. Подъеду через два часа.

Добираюсь до зева метро. Жду возле, оборачиваясь по сторонам. Мало ли собачница где кружит. К двум часам плавно добавляется половина. Но хотя бы пишет, извиняется, на связи. Отхожу за газировкой. Еще пять минут жду — и сваливаю. Но вот наконец машет на переходе напротив. Леопардовое платье со шлепанцами. Пряди, крашеные бело-серо-розовым. Заметно старше меня — но скорее спелая, чем зрелая. Лицом вполне красивая, с выдающимся прямым носом. Настолько, что подозреваю заморские корни.

Нарезаем с ней круг по тем же местам, что и с собачницей. Сканирую местность на предмет появления последней. В перерывах скашиваю глаз и на люську. Глубоким грудным голосом толкует о своем бытие. Нет, не полукровка. Родом из глухой провинции. Тут уже лет пять. Трудится стримершей в компании ретро—консолей. Чем объясняется подростковый окрас. Вообще на возраст свой она резвая, заводная. Виден потенциал для занятий. Правда, уединиться негде для сближения. Народу на набережной полно — с детьми, гамаками, палатками. Редеет только после заката. Присаживаемся на скамейку поодаль от фонарей. Я наконец невзначай дотрагиваюсь до ее татуировки на шее. Которую затер глазами за вечер. — Есть еще? — Две. Показывает на бедре. Проверяю и ее пальцами на наличие. — А вторая? — Сзади на спине. Поверх шрама от операции. — Где-то тут? Провожу ей по талии сзади. — Чуть выше. Ладонь свободно двигается по спине до выреза платья. Схватываю ее губы своими. Она отвечает охотливо. Но дергается от шагов прохожих. — Тише, тише. Столько людей… — Добро пожаловать в Китай.

Лед тронулся. Под руки идем ужинать в Мак. Возникает идея покидать с ней мяч. Раз другой физкультурой заняться негде. Оставляю ее в Маке и мчу в квартиру. Собачница дома, но тоже почти в дверях. Выходит на вечеринку, будет поздно. Меня не приглашает, но я бы и не пошел. С мячом пробираюсь обратно, озираясь как вор. Люська на месте, никуда не слиняла.

С площадки народ расходится. Мы играем минут десять. Трогаемся во всю, смеемся, обхватываемся. Поднимаю ее за пониже пояса повыше к кольцу. Она обнаруживает свою забаву. Так и норовит ущипнуть меня в доступное предплечье. Свезло же — то кусают, то щипают. В мире животных продолжается недолго. Проходит сторож, гасит свет на корте. Мы пытаемся еще немного целиться в темноте. Но тот нетерпеливо лязгает цепями ворот. Ладно, ладно.

Разгоряченные, забредаем на пустую детскую площадку. С упоением лапаемся. Пальцы мои гуляют по всей ее клавиатуре. Но финальный аккорд повисает в воздухе. Прокладка. — Я на периоде. — Досада… Но, может, и к лучшему. А то стали залетать шальные мысли вести ее на диван. На котором сам-то на птичьих правах. Постепенно мы охлаждаемся, трезвеем. На площадку забегает стайка китайчат. Резких движений не делаем, сидим невинно обнявшись. Но интерес все равно вызываем. — Вот, учим детишек плохому. — Или хорошему. Так или иначе им узнать придется.

Но хорошенького понемножку. Одиннадцатый час, а ей еще до района на метро пилить сколько. Прощаемся у все того же выхода. Возбужденный, плетусь домой довольным кобелем. Псы мирно сопят, пора и мне на боковую.

Сплю недолго. Гостиную прорезает свет. Тянусь к трубе — мерцают два ночи. Явилась. Вваливается в спальню. По движениям силуэта в потемках считываю — набралась. Подвигаюсь по простыне к окну. Падает на одеяло рядом. От нее разносится лихая смесь одеколонов, сигарет, потов. Будто в комнате оказалось человек десять разных полов. — Вижу, вечер удался. — Немного выпила… Устало—расслабленно мычит. Льнет ко мне целоваться. В меня будто зал-

пом вливают смесь алкоголей разной крепости. Вежливо терплю секунд десять, но как можно необиднее отклоняюсь. — Поздно. Спи, спи. — Хым! Она взбрыкивает и ковыляет в душ. И вправду замаялся. День длинный. Да и флюгер мой в другую сторону повернулся. Пока шепчет вода, жду ее, ставясь в потолок. Возвращается и ложится на краю. Снова тягучее молчание. Но сил нет у обоих. Отвернувшись по сторонам, быстро засыпаем.

На утро она еще больше уходит в себя. Напряженную тишину в кухне можно почти щупать. Предлагаю помочь с выгулом — мотает головой. Выходит с собачней по очереди. Пользуюсь освободившимся пространством и залегаю с ноутом на диван. На обед мы разминаемся — иду в Мак, она тоже питается где-то снаружи. Часа в два застает меня в той же диванной позе. Обращается по имени. Впервые за все время, аж холодею. — Да? — Думаю, тебе лучше вернутся в хостел. — Мм, хорошо. Но в чем дело? — Ничего. Извини, но так. — Не проблема. Но что с тобой? Скажи. Говорить, словами. Смекашь?

Она невинно пожимает плечами. Опустив голову, возится с порцией шортов в стирку. Меня берет злость. Хотя дело ясное — не сработало. Самому не шибко уютно досиживать дни в такую молчанку. Подхватываю пожитки, и так компактно сгруженные в углу. Минута сборов. Чемоданная жизнь во всей красе. Швыряю ей раздраженное “бай”. Она бесцветно повторяет. Еле заметно, но таки хлопаю дверью. Снова на вольные хлеба шеньчженьского пекла.

В хостеле все предвкушаемо. На ночь заселились какие-то странствующие деды. Подорвались ни свет ни заря. Харкая, умываясь, быстро и смылись с пожитками. Успешно перерезав сон всех немногих спавших. На контрасте с Наншаном меня все неслабо дергало. Сигаретная завеса, забивающая все уголки. Хрип тик-тока, заносимый из зала в тихие комнаты. Дверь, которой я баррикадировался от шума и бардака. Почему-то ее старательно забывали закрыть за собой. Или пытались создать феншуй, открыв заодно и входную к лифтам. Приходилось гаркать, когда доводили в край. Но мозгами сдерживал себя сколько мог. Везде они будут примерно так же. А околачиваться в поисках нового крова не хотелось.

На какое-то время устанавливался минимальный этикет. Динамик вне спальни, дверь закрыта. Потом заселялся новый свин — и снова все рушилось в хаос. Я берег нервы и сколь можно обретался на улице. Картой нащупал баскетболку в одной станции метро. Здесь у границы их был дефицит. На местности оказалось, что корт захвачен в плен стройплощадкой. Но работы не велись и никто не ходил. Так что я лазил через забор и играл один по утрам. Из бытовок в округе редко вылезали прорабы. Никто ничего не говорил.

Утром, выходя, столкнулся с двумя типами в гостиной. То ли старые, то ли новые жильцы. Поглядели недобро. В спину донеслось нечто вроде “какого тут лаовай делает”. Ладно, некогда мне. По возврату вечером прохожу гостиную. Падаю на кровать. Не успел собраться в душ — двери комнаты настежь. Вплывает штук пять ментов. С порога фиксируя на видео. — Давно тут живешь? — Относительно. А что такое? — А регистрироваться не думал? — О. Этим вроде хозяин заниматься должен.

Точно. Старая недобрая советская прописка. Сейчас выпишут штраф, и плакали мои заработки. Но только предупреждают. — Завтра чтоб зарегался. — Хорошо, пойдем хоть сейчас. Если хозяина найдете. — Поздно уже. С утра.

Вручают памятку на английском. И так же внезапно уплывают к лифтам. Как подгадали до минуты. Хотя — камеры везде, отследить раз плюнуть. Улавливаю связь явления с утренним зырканьем. Стуканули, значит.

Больше я этих двух не видел. Утром потратили час на поход в полицию. Бумага с фото и штампом на руках. Не докопаться теперь. До следующего пересечения границы.

Собачнице я не писал. Держал ее на поводке гордого молчания. Только проверял изредка — контакт мой не удаляла. Зато с крашеной беседа струилась. На пару дней она свалила в Гонконг. Ухватила там дешевый видовой отель промеж праздников. Звала и меня — но решил не мельтешить через границу зря. Вечером она возвращалась мимо моего погранперехода. Заби-

лись на площади у вокзала. Еле вылавливаю ее в путине выходного потока. Волочит чемоданчик на колесах. Его пристраиваем в хостел. Она ждет в дверях, пока я закатываю к койке. Говорун в очередной раз выпадает в осадок. — Твоя подружка? — Вроде того. — Такая красивая… — Ага, сойдет за.

Прихватываю с собой мяч и не задерживаясь выходим. Своим способом, в иероглифическом интернете, она находит новый корт. На крыше небольшого здания в паре кварталов. За экстравагантность сию нужно, правда, закинуть копеечку. Годится — свидание все-таки.

Площадка пустая, хоть и конец праздников. Так что резвимся вдоволь. Приглядываюсь к ней, в очередном платье бегающей за мячом. С энергией школьницы — а ей уже 34. Говорун мает рацию, красивая. Но глядя вживую — так, средней руки. То больше экранная красота. На такую мочалят глаза тысячи подписчиков.

Совмещаю тренерство с прощупыванием. Не прикрытых платьем участков кожи. — Как твой период? — Кончился, как в Гонконг приехала. — У. Так может, нам другое что на карте поискать? — Погоди. Еще пять минут покидаем.

Заказала пайку. Желтый доставщик занес пакет прямо на крышу. Сервис, однако. Чуть ли не на кортах отужинала. Я пас — рановато еще. Сдали мяч и канули в ночь. Она умело запустила пальцы в смартфон и забронировала отель. Двести метров отсюда. За потертым ресепшн нас осадили. Иностранцам нельзя. Покружили еще. Благо, здесь у границы предложений вдоволь. В третьем, самом приличном на вид и дорогом, дали добро.

Без одежды она оказалась совсем заурядной. Кожа по возрасту подвисала местами. Будто оправдываясь, почти сразу показала мне шрам. Росчерк с полмизинца под лопаткой. Не обмолвилась — и не заметил бы. В деле, однако, девичий задор ее снова разгорелся. Старался не глядеть на ее лицо с обложки. А то быстро бы дело закончилось. Спускал глаза на белую мягкость ниже плеч. С такой картинкой — трись хоть до утра.

Получилось что-то чуть выше удовлетворительного. Душ, одежда, проводы до метро. Обратно в холостяцкий быт хостела. Праздники успешно агонизировали и сдулись. Шеньчжень возвращался в рабочую колею.

С новыми силами после любовных похождений включаюсь в поиски. Обстрелял основные скопления в Футьене. Права люська — развлечений там не ахти. Только под стеклянными глыбами небоскребов муравьишкой ползать. Забредаю в тренинг центр в редком здесь спальном квартале. По дизайну видно, что старый, не первый десяток тому открылся. Зачинаю свой сказ о работнике и балде. Проворно выбегает менеджер в очках. Непрестанно улыбается. С живостью проводит экскурсию по классам. Обклеены полезными постерами до зубов. Виден подход серьезный, не пляски для богатеньких баловней. — Очень рады, очень рады знакомству. Но учителя у нас стабильные, давние. Если потребуется замена — сразу напишем.

Что-то мелькает и на сайтах. Но переговоры заходят в тупик. Задаются не имеющие отношения к делу вопросы. На которые я дерзко отвечаю вопросами. А неудобные пришельцы нам не нужны. Агенты теряются. Начинает копиться раздражение от безрезультатных поисков. Сбережения тем временем стремительно кровоточат. Неделю после посещения постерной школы звоночек. Приходи на пять часов замен. Заодно и посмотрим тебя в деле. Все пролетает по маслу. И дети смирные, прилежные. После вручаюсь конвертом с получкой. Закинуть за койку на месяц теперь хватит.

Но все это шаткие начинания. Больше ничего не падает. В поисках я все дальше отъезжаю от хостела. Час, полтора на метро. Обрыскиваю Наншан, кружа по местам былых собачьих выгулов. Прощупываю приступки Баоана до аэропорта. Для очистки совести заезжаю даже в Гуамин — два часа с копейками на метро. Только штаны протираю о скамью вагона. Образования в тех краях и след простыл.

Заезжаю и в Лунгхуа. Через день играем там с люськой в баскет. Живет она на станции Хуншан. Островок торговиков и новой недвиги между двумя горными массивами. Ошивается

много иностранцев. Бизнесовый Футьен совсем рядом, одна станция от высокоскоростного вокзала. Только вот хостелы там дороговаты.

Крашеной на работу после обеда. Стримит по часам западного мира. Так что вечером ее выцепить редкость. Мне тоже такой график кстати. После часа помалу открываются учебные центры. Вот мы и устраиваем физкультуру с утра. В двух перекрестках от станции Декатлон. У него кольцо с редкими игроками. Каждый раз она неизменно в новом платье и шлепанцах. Колотим мячом, трогаемся, щипаемся. Потом идем на поиски мест для других упражнений. Пару раз на крыше ее высотки, скрываясь за высоким парапетом. Домой к себе отказывается звать. Три кошечки и соседка. Упорно скрывает даже номер этажа. Может, сталкеры досаждали до меня.

Иногда залезаем в катакомбы пожарных лестниц торговика. Пыхтим в подвальной липкой темноте. Переборка странных мест заводит ее больше, чем само трение. Оказывается, половая жизнь ее началась совсем недавно. В 27 охмурила саксонца. Препода в школе для взрослых. С тех пор и понеслось. Ни разу не схлестывалась с китайцами. — Как так? Даже ради интереса не? — Вообще никакой к ним реакции. Не в первый раз о таком слышал. Но всегда удивляло.

В Шеньчжене ей разгуляться было не то что. Нахваливала Шанхай. Там она отрывалась вдоволь. — Не заезжал еще туда. Все по югам. Спасибо за подсказку.

Когда встречаемся вечерами — раскошеливаемся на почасовые отели. Все бы ничего, но эти романсы стали душить мои финансы. За две недели охоты я покрыл все районы. Насколько можно контакты собраны, капканы-резюме расставлены. Оставалось только ждать дичь. Тишина затягивалась.

Люська же вкалывала штоденно. И видимо, не за бешеные деньги. Все чаще в ней прорывались усталость и раздражение. Еще и собиралась выбраться в Европу. Стали проскальзывать соображения в стиле “у меня мало денег”. А нужно еще, еще!

Поехала в Гуанчжоу делать визу. И как-то подозрительно исчезла из сети почти на сутки. Поздно вечером как ни в чем ни бывало ответила. Утром все так же вышли в баскет. — Потерялась ты что-то вчера. — А, телефон разрядился. Гуляла по городу.

У нее был старый айфон и звучало это правдоподобно. Только вот обе руки у нее почти всегда были заняты им и пауэрбанком. И это в пятиста метрах от дома. Забыть его в поездку — это как без части тела ей выехать.

Ревность ударила мне по глазам. — И как погуляла? Где? Может, фото сделала? — Конечно. В центре у реки, в основном. Пролистывает галерею. И вправду десятки прогулочных снимков. Но взгляд цепляет одну лифтовую. С силуэтами теней двух людей в отражении. Один гораздо выше другого. — Интересно, интересно.

Ведет себя как обычно. Если и врет, то крайне артистично. Но постоянная искорка игривости куда-то в ней прячется. Как будто от насыщения. Словно вчера ей уже перепало в Гуанчжоу. Прежняя легкость с ней оседает во мне недоверием.

При этом не то чтобы я сам к ней хранил трепет. Приложение стабильно полистывалось. Но улов был невелик. А свидания — краткими. Одно заняло 5 минут. Попалась молоденка лет 20. С сельскими фотографиями в кустах. “У меня сейчас короткие волосы”. Думаю — ладно, к каре не привыкать. Встреча у стекляшек Футьена. Голос из-за спины. Побритое под ноль создание. Прическа, вернее отсутствие, еще больше оттеняет черты лица. И без того не первой привлекательности. Я и сам не сказать волосатый. С хворобных лет стригусь машинкой. Но ее такую видеть было слишком. Безволосая женщина — неопознанный объект. Никак не считываемый. Обронив пару слов и сделав пару шагов, киваю — Ну, бывай.

Через пару дней снимаем с люськой отель. Все удается как нельзя лучше. И у нее пару раз, и у меня. Может, такой отыгрыш за Гуанчжоу? После дела у обоих разгорается аппетит. Она заказывает себе ужин прямо с заносом к двери комнаты. Я же гоняю с наличкой. Да и в

китайском приложении не горю разбирать иероглифы под лупой. Прошу ее прибавить риса с картошкой к заказу. Юаней 15 сверху. — Разменяю сотку, отдам тебе после. За едой разговор заходит об отелях. Что плачу всегда я, а приятно вроде как обоим. — Еще чего! Койкообеспечение — определенно мужская забота. Никогда не снимала и не собираюсь! — Ага, ну.

Идем вместе до метро. У нее поздневечерняя смена до двух ночи. По дороге она все щипает меня. Но больше раздраженно, чем игриво. Размен сотни вылетает из головы. Утром письмецо. — Ты забыл заплатить. — У. — У меня нет слов. Ну ты и фрукт. — Да пятнашка всего. Потом закину. — Никогда таких не встречала. Мужчина, не платящий даже за себя. — Всегда бывает первый раз. Получается, я особенный. — Хочу тебя просто удалить. Еще со вчера. — Во ты прикол тянешь. Ну так завтра в баскет? Последнее сообщение не отправляется. Я удален. На третьей неделе наших движений. После такой качественной лежки. Из-за миски дешевого риса. Ну, счастливой тебе Европы.

Качели половой сытости устремились к земле. Я бегал, не зная, куда себя присунуть. Компенсацией перепало пару часов замены. В бестолковой кустарной школе, где не было даже доски. Лишь горстка карапузов, ни слова не понимающих по-английски. Как и китаянка— ассистент. Непонятно как, таки вымучиваем с ними полтора часа. Приятного мало, но на безрыбье. Становится еще меньше, когда после занятия начинают морозиться с оплатой. Все резко испаряются из помещения.

Диким зверем сную туда-сюда. Натыкаюсь на навороченный роутер. Потянет на цену моих трудов. На пике раздражения, фотографирую его и выдираю из проводов. Отправляю фото — Получите, когда увижу деньги. Отхожу с ним в рюкзаке метров сто к метро. Звонят. — Мы сейчас идем в полицию. Тебя отследят по номеру. Камеры везде. И домой дойти не успеешь. Верни роутер. — Деньги — роутер. Как был договор. Ни хера нет в школе, никаких условий. Хотя бы с оплатой свою часть выполнили. — Ладно. Десять минут. Будь в центре.

Пришнурил роутер к сети обратно. Сел на диван, дерганый, злой. Принесли сколько положено налички. Свирепо сгребаю и молча сваливаю оттуда. Сразу же заблокировав всю их шайку в Вичате.

Еще пару дней меня дергает. Из-за отключения от доступа к телу. А потом маятник “деньги-девки” клонится в противоположную. Из ниоткуда в Вичате рисуется тип. Держит небольшой центр инглиша для взрослых. На все том же Хуншане. Кто дал контакт мой — так и не кумекаю. Наконец-то сарафанное радио с хрипом заработало. Встречаемся на кофе и переговоры. Жмем руки. Китаец с меня ростом. Говорит бегло, но с еле читаемым акцентом. Видно, что учил язык сам, без западных университетов и репетиторов.

Дело такое — есть у него знакомая средних лет. Владелец бизнеса, чем-то торгуют на Амазоне. Хочет переехать в Америку и нужно подтянуть английский. И повседневный, и деловой, всего понемногу. Но препода почему-то позарез ей подай европейца. Каталась по Восточной Европе давеча, и шибко понравилось ей. Вот и ты как раз из тех краев — он и подумал. Пробовала с американцем уже, но не подошло. — Видал я этих носителей. Наверняка просто трындел ни о чем. Может, и правильно. Я сам с нуля язык учил. Студент всю жизнь. Docendo discimus и так далее. — Вот и славно. Значит, встретитесь с ней и обсудите. О цене тоже договоритесь. Но с деньгами у нее все в ажуре. — Понял, скромничать не будем. А у тебя-то в своем центре есть варианты? — Было бы — с радостью. Но после хворобы туго дела идут. Много кто работы лишился. В экономике спад. Студентов мало. Разве что в будущем разговорный клуб планируем. Но это час-два в неделю. — Я готов. Сколько бы ни по часам — все могу взять. На связи тогда! Рад знакомству.

Списываемся с бизнесвумен. Предлагает встречу в кафе знакомой. На полпути между Хуншаном и следущей станцией. Захожу в крошечное заведение. Несколько женщин обретаются внутри. Потягивают кофе, болтают, как в выходной. Ни по одежке, ни по манерам не внятно, кто есть кто. Достаю смарт, пишу, мол, на месте. Сообщение тренькает у одной,

самой непредставительной с виду. Подходит, улыбается, пожимает руку. Лет сорока. Одета по домашне-спортивному. Будто с собачьего выгула забежала. Присаживаемся, заказывает обоим кофе.

Переставляет английскими словами внятно, но неустойчиво. То и дело лезет за костылем переводчика в смарт. Играю с ней в разминку с кубиком. Шесть граней — шесть вопросительных слов. Формируем пытания и задаем по очереди. Заодно и знакомимся. Объясняю ей, что мы таким образом тренируем. Потом показываю пару вариантов учебников по бизнес инглишу. Содранных за пять минут поисков из торрентов. Естественно, ни разу не открывавшихся до. Все, она соображает, что я не носитель-проходимец. Не первый день у доски стою. — Как часто занятия хотели б? — Трижды в неделю. По два часа. Желательно рано утром. Я встаю в пять обычно. — Отлично. Тоже любитель пораньше дела делать. — Как насчет в восемь в офисе? — По рукам.

Остается цена вопроса. Заряжаю 500 за час — гулять так гулять. Она рассудительно поводит головой. Все-таки почти сотка гринов. Сбиваем до 400. Допиваем кофе и едем на просмотр ее офиса. Заказывает премиум такси. Означает это водителя в белой рубашке и две бутылки воды на заднем. Едем минуты две. — Думал, вы на крутых колесах каких подкатите. — А, пылятся в подвале на парковке. Не переношу вождения. Было бы время — везде пешком ходила. По утрам вот бегать стараюсь.

Глянули один ее офис. Потом отправились в другой. Снова премиум-такси. Ждали его дольше, чем ехали. Через пару дней и провели первое занятие. Договорился, чтобы после каждого оплачивала налом. Ей так было удобнее, как ни странно. Ворох красных бумаг из сейфа нужно куда-то сбывать. Два часа пролетают незаметно за кофе и беседами. Выхожу от нее, еще только десять часов — а уже поднял денег. Прекрасное ощущение.

Подкатывает время первого визарана. Между занятиями пришлось три дня. Погода установилась ясная и нежаркая. Так что решил выбраться с палаткой. Хостел начинал еще терпимо, но уже неприятно давить на психику. Выхожу ранним утром со всеми пожитками. До границы пара шагов. Стояние в очереди, мост через одноименную с городом речку — и я на островах.

Гонконг. Вроде тот же климат, холмы, китайцы. Но будто попадаешь в другой мир. Вырываешься из-под невидимого купола. Другие запахи. Буйная тропическая растительность из окон вагона. Привычная европейская культура поведения пассажиров. Даже сэндвичи в 7-11 словно сытнее. Молоко молочнее. И все раза в полтора дороже. Добро пожаловать в капитализм.

Бывал здесь не единожды. Но никогда не ночевал под крышей. Впервые только глянул хостел — и через минуту развернулся. Нагромождение коек с расстоянием, как между рядами в автобусе. В комнатах размера собачьей конуры. За это удовольствие самое меньшее хотели пятнадцать долларов. Увольте. Каждый раз я спал в палатке в бесплатном кемпинге. На острове Лантау, где аэропорт. Туда я и направлялся сейчас. Часа полтора на метро. Потом автобус петляет меж гор и лагун. “Кэмп Южной Горы”. Соскакиваю.

Уже почти как дома тут. Туалеты и холодный душ. Примечаю удобную лужайку и растопыриваю палатку. В нее запихиваю спальник и большой рюкзак. С небольшим набором ценностей взбираюсь вверх по тропе. Снова извив главной дороги. Экономлю и не сажусь на автобус. Рысцой спускаюсь по шоссе пару километров до моря. Муй Во. Рыбацкая деревенька с супермаркетом и 7-11. Набираю провизии на день. В Маке у причала ловлю вай-фай. За пару минут расправляюсь с интернетными делами. Жду паром. Через сорок минут моторного грохота, пены и морского ветра пришвартовываемся к Централу.

Оттуда автопилотом, отстаивая несчетные светофоры, в библиотеку. Там тишина, интернет и электричество. Прикидываю логистику на день. Занятий два вида. Рыбалка в приложениях или походы в горы. Среди рыбешек в виде филлипинок—хелперов среднего возраста попадается что покрупнее. То бишь местные китаянки со своим жильем. Но раскручивать их

сиднем в библиотеке световой день нет подрыва. Выгребаюсь из сети, проложив и отфоткав маршруты. Добираюсь до троп к своему горному одиночеству. Новый день — новая вершина. С еще одним ракурсом на бухту и бетонный лес внизу. Натаптываю больше 20 км к вечеру. На закате — паром обратно. Пустынная дорога вверх к кемпингу. Душ, сон в горах. Воздух и тишина здорово подлечивают. Хотя полностью не отключаешься всю ночь — спишь на улице все-таки. И каменистая земля под спиной не лучший матрас.

Три дня пролетают. Пора и на материк, делать деньги. Погранцы не кошмарят. — Цель визита? — Туризм. Штамп. И так все заморцы после хворобы канули. Хлебнув драконовских мер.

Набивший оскомину хостел. Контраст с горной палаткой удручающий. Жаль, на материке бесплатных кемпингов не водится. Пытаюсь прибегнуть к Каучсерфингу. Повезло ведь в свой первый Гуанчжоу. Заехал к ребятам на три дня, а остался на месяц. Добросердечно отдали диван, пока мыкался по работам. Но в Шеньчжене по Каучу был голяк. Отозвалась лишь одна. Тайванка под пятьдесят, сама недавно здесь. Еще и живет на куличках в конце Лунгана. Приняла бы, но в отъезде на неделю. Тогда отбой.

Комната с дверью — почти мечта. Но доход мой скорее капает, чем идет струей. Бизнесвумен то и дело снует в командировки. Минус занятие. В среднем выходит дважды в неделю. Перебиться хватает, но не разговеешь. Другие варианты тоже не просачиваются. Да и середина семестра уже. Довольствуюсь чувством “свободы”. Но время вне редких занятий тоже нужно суметь убить. Терка приложений превращается в повод не сидеть в хостеле.

Перепадает еще одна крашеная. С первых секунд взволнованно берет меня за руку. Будто насочинявши себе романов еще до встречи. Куда-то идем, что-то едим. Сетует мне на одинокую жизнь в большом городе. Мало платят, друзья не друзья. Иностранец-парень бросил недавно. Романтичное настроение ее переходит в рассеянность. Много дел навалилось, которые она озвучивает на меня. Чувствую себя секретарем-еженедельником.

После ужина идеи куда еще приходят к пату. — Может, к тебе? Можем, но она и сама только заселилась. Беспорядок. — Не привыкать. Едем закоулками ее электробайком. Корпуса с виду старой фабрики. Вокруг зявятся пенопластовыми грудами склады. — Лофт сняла, значит. — Ага. Площадь больше и цена лучше. А то вещи перестали вмещаться в старой. Заходим. Комната в состоянии переезда. — Видишь? Хаос пока. — Ничего. Разгребаю место присесть на диване. Сооружаем чай. Она все суетит по комнате. Я присаживаю ее себе на колени. Она кукольно следует, как неживая. Ни за, ни против. Поглаживаю ее за узенькие плечи. Сидим так в непонятках. Дергаюсь поцеловать — отстраняется. — Не надо. — Ладно. Руки не убираю. Она наконец встает и снова расхаживает. Теребит пакеты с пожитками. Молчим. Мне она не то что запала. Но и жилеткой для плача о трудной жизни вроде не нанимался. Странно только, зачем сюда пришли. Допиваю чай, сдаю чашку. — Ну, время домой. Спасибо. — Хорошо. Довезу тебя до метро. — Если не трудно. — Все равно по пути. Со старой квартиры забрать кое-что.

Новоселье отметить не срослось. Тем более переспать вне хостела. Но поступает другое предложение. От старой ее хаты оставалось еще 10 дней оплаты. А залог ей не вернули. По всей строгости договора. — Может, ты бы пожил? А мне по цене хостела закинул денежку. Место там — самое тихое из всех, где жила в Шеньчжене. — Заманчиво. Глянуть бы сперва.

Снабжает инструкциями проезда. Кодами от дверей. От совместного просмотра уклоняется. Работа, некогда. Я не настаиваю. Снаряжаюсь сам на метро. С пересадкой вглубь синей ветки. Район Лунган. После восточного вокзала выныриваем на поверхность. Здания заметно старее. Местность с гроздьями городских деревень, пролетарская. От станции минут семь. Ныряю в фавелу узких переулочков. Мотки проводов над головой и окна с видом на окно соседей. Вглубь нырять не приходится. Здание с обновленным фасадом. Внутри тоже солидно отредактированное. Только в планировке читается старострой. Квартирка в самом низу, на

первом. В силу гористости кажется минус вторым. Внутри пусто, скромно, но современно. Главное — тихо. Пока.

Пишу, что годится. — А с деньгами как? — Положи на столе где. Зайду заберу перед работой утром. — Мне и самому на работу рано. — Код помню. Не переживай.

Умышленно ли, но разминемся. Ну, не перепадет в койке — перепадет сама койка. Не долго думая я перетянул скарб в новые пенаты. Застелил спальник поверх толстого матраса. Вытряхнул жестяную кружку с ложкой на кухню. Считай, обжился.

Ночь пересыпается в долгожданной тишине. Ехать до офиса чуть дольше, но не критично. Продолжаем занятия. Бизнесвумен все дергает смарт. Решает вопросы. Так и норовит застрять там на пару минут. Меня это немного напрягает. Но — мое время, ее деньги. Раз глянула на экран. Невыразительно заметила — О, сегодня оборот на миллион вышел. И брякнула айфон лицом на стол. — Долларов? — Угу. Продолжаем упражнения. Ну, бывает. Невозмутимость ее передалась и мне. Только зачесалась мысля, может, плату поднять? Раз такие обороты.

После занятий можно было отмокать в четырех стенах. Напиваясь тишиной и отгороженностью от людей бетонным щитом. Ликование продолжалось недолго. Появились новые заселенцы. В силу крохотности жилплощади оставляли двери настежь. Снова из коридора стал сочиться тик-ток и развязное вяканье. Подчас до глубокой ночи. Наивный, я думал, что квартира меня уединит. Но в Китае от китайцев не убежать.

Раз в распоряжении койка без шторки, надо пользоваться. Затер все возможные приложения. Разворошил все контакты в Вичате. Даже пал так низко, что попытался добавить люську обратно. Ничего. Отсидел на безрыбье девять дней. Напоследок, больше даже от безделья, строчнул собачнице. Однословно. — Ну? Ответила через пару часов вопросительным знаком. — Встретимся или что? — Подъезжай. Адрес помнишь? — Стояла отметка где-то. Найду.

Открывается знакомая дверь. Шерстяной собачий запах. Она все так же в шортах и с поникшей головой. Будто не уезжал. С порога протяжно обнимает меня. Треплю ее неотросшие за месяц жесткие волосы. — Скучала? — Немного. — Что не писала тогда? — Думала, злишься на меня. — Было дело. Но я тебя понимаю. Совместное житье — та еще задача. — Кофе? — Само собой.

Она все такая же. Неспешная, флегматичная. Только собак убавилось. Дремлет одна болонка в углу.

Не долго беседуя ни о чем, идем в спальню. Принимаемся ласкаться. Сажу ее сверху. — И как успехи в приложениях? Цепанула кого? — Ходила на пару свиданий. — У. Подминаю ее под себя. Двигаюсь мерно, с холодной головой. Она только сдавленно мурлыкает. Порывается перевернуть меня. Хорошо, возвращаемся в первую. Распластываюсь, дав ей свободу действий. На удивление, после такого перерыва — мне ни холодно ни жарко. Гляжу на нее. Трудно понять. Но будто еле заметно через нее льется тихая радость.

Продолжается достаточно долго, но не затянуто. Идем прогуляться к набережной. Закат красен, достоин фото. Она меня, потом я ее. В привычной апатичности в ней проскальзывает искринка. Когда она крутится, позируя. Ночлег в программу не входит. Соседка дома. Да и мне предстоит выселение завтра. Уже в метро она пишет. — Спасибо за сегодня. Я была очень счастлива. — Вот как. Вроде ничего такого не делал. — Давно так не чувствовала себя. — Ну, рад слышать. Пиши, если захочешь еще. — Нет. Сам пиши.

Наслаждаюсь покоем последней ночи. Половая сытость притупляет, сглаживает углы. Даже ночные болтуны и хлопающие двери не трогают. Утро выселения. Пора собирать манатки. Дрейфую в который раз в хостельный Лоху. На контрасте меня снова взводят его обитатели. Бескультурие порождает рык. Меня дипломатично отселяют подальше. На том же этаже, но квартира напротив. Полужилая, будто на ремонте. Даже чайник еле найти. В дальней комнате относительно тихо. Всего один постоялец, невидимый днем. Работающий! Как-то можно существовать.

Но недолго. Уже под ночь вваливается новичок. Кашляет, харкает поминутно. Еще и заводит дребезжание тик-тока прямо в комнате на кровати. Дергаю его шторкой и жестами делаю наушники на голове. Вроде кумекает, гасит звук. Полночи возится, оглашает комнату своей хворью. С грехом пополам засыпаем. Подрывается часов в пять утра. Зачинает драть горло, аки исчадие. Новый день, новый круг ада. Выходит в зал, деликатно прикрыв спящих картонной дверкой. Там принимается отхаркивать еще громче. Заснуть я не могу, шкворчу от злобы, ворочаясь. С утра и так стресс повышен. И отщелкивают сутки после лежки. Тестостерон шкалит. Выворачивание утробы в гостиной не прекращается. Нарочитое, надсадное. Слизь так сама не выходит, как делает он. Наконец я взмываю с койки, дергаю на себя одежду. Врываюсь в зал. Полутемно, еще даже не светает. Тот подленько кивает головой при виде меня. Еще улыбается. — Лядь, ты можешь вот это кхрау, грхыу прибрать, а? Епаный ты носок.

Кивает, лыбится. — М, м. Я подхожу ближе. Не бью — чуть тюкаю его в скулу под глазом. Улыбочка наконец стирается. Он берется за трубу и звонит. Повторяя без эмоций “Ты меня ударил”. Я стою тут же, постепенно холодея. — Давай, давай. Наяривай. Он все тычет пальцами в телефон. Не ругается, не злится. Будто ждал повода вызвать ментов на пришельца. Сажусь на койку с колотящимся сердцем. Агрессию разом спускает, как пробитое колесо.

Погоны не заставляют ждать. Входят двое — с виду писари, чем бойцы. Осматривают меня со смесью интереса и усталости. Предвкушая трудности перевода. Харкача наконец прорывает. Машет руками, ябедничает бабье-хрипучим голосом. На меня же накатывает ледяное спокойствие. Теперь от меня ничего не зависит. Плыви оно как есть.

Копы замечают это. Переводят глаза то на меня, то на крикуна. Контраст вызывает сомнения. Спрашивают его — что ж ты, больной, приперся в скопление людей? Хвороба занозой сидит в социальной памяти. Тот еще больше заводит качать права. Ладно, собирайтесь оба. Ведут меня к бело-синему хэтчбеку. Закрывают на заднем. Интерьер как в такси, только с решеткой. И сиденья пластико-твердые. Дольше разворачиваемся, чем едем сто метров к отделу. Прямо за вокзалом, на берегу граничной речки. Успеваю написать собачнице, что со мной деется.

Заходим в приемную. Оставляют меня с молодым опером. Дверь не закрывают. Сидим, ждем. Является харкач. Начинают писать показания. Тяготно, с ленцой молодой роняет в переводчик иероглифы. — Бил его? — Не бил. Накричал только. Мы одни в зале были. Темно там. Вот он и насочинял себе. Обращается к харкачу. Тот аж взвивается со стула. Я же — сам мастер дзена. Уже все равно. Да и что ему предъявить? Гладкую щеку, как попку младенца? И никому эта возня не упала. Хрипачу побыстрей на работу бы. Менту работать в падлу. Чуя момент, перевожу последнему. — Если он хочет, могу попросить прощения. Хрипач соглашается. Оба встаем. По-русски говорю ему. Он кивает. Мент закрывает тетрадь. Все выдыхают. Делают, правда, пометку в базе. Чтоб неповадно впредь. — Свободны. Оба. Выхожу за ворота. Потягиваю сладкий воздух свободы. На волоске провисел. Повествую собачнице, которая только проснулась. Косвенно от нее-то эти качельки гормональные запустились. — Вот так. Будь осторожен. После хворобы они не шутят. Прошли времена поблажек.

Возвращаюсь в сонный хостел. Рань ранняя, восемь только. А событий с подъема на месяц хватило б. Беру мяч и выхожу простучаться от этого всего. Что-то нужно делать. Это не жизнь. Но где взять денег на человеческую аренду? Даже если и наскребу — заработок не брезжит горизонтами. Попытать сначала в Гуанчжоу? Та же середина семестра. Да и тут сколько времени потратил. Спасение полуутонувшего корабля.

Прохожу мимо огороженной зеленой зоны. Минипарк, далее дичающий в холм и кусты. Забуриться туда с палаткой ночевать? Побыть горным отшельником в мегаполисе? Зеленки тут полно такой. Мыться и стираться ходить в хостелы. Все равно там проходные дворы, двери настежь. Дело им только до каждому выданного поводка смартфона. А поклажу где хранить?

Покидавши в думах мяч, закладываю круг за вокзал. Примечал там камеры хранения. Имеются. Справляюсь о цене. Двадцатка с утра до вечера. Вполне.

Допустим. Но день где куковать? Вспоминаю гонконгские тактики. Там было полно библиотек. Сиди в тишине читальных. Занимайся чем хочешь. А ну, что тут? Рою карту. Хоть это слово отложилось из универского курса китайского. Тушугуанов несколько, но крупных. Каждая по своему району. На фото — огромные залы на несколько этажей. Заманчиво. Еду на разведку. Футьенская ближе всего.

Вход свободный. Читательский не спрашивают. Сумка не проезжает — пролетает через сканер. Воду, в отличие от метро, никто не просит отхлебнуть. Шагаю вглубь. Просторно, полно народу всех возрастов. В каждом столе розетки. У туалета — бойлер с кипятком. И главное — читательская тишина. Жить можно! Вылазка обнадеживает. И на этом фоне прилетает сообщение. — Ты ударил человека. Это выселение. — Мы все уладили уже с ним. Куда я пойду? — НЕТ. Такое мы не потерпим. — У меня до завтра проплачено. — Хорошо. День тебе на поиски. Завтра — прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.